

ЭРИК ШЕХОВЦЕВ

ДЫМИТ СИБИРЬ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Эрик Шеховцев
Дымит Сибирь

«Автор»

2025

Шеховцев Э. Г.

Дымит Сибирь / Э. Г. Шеховцев — «Автор», 2025

Небольшой сборник о человеке, который всё ещё говорит, даже если его никто не слушает. Стихи и дневники, как обрывки из тетради, забытой в доме, которого больше нет.

© Шеховцев Э. Г., 2025

© Автор, 2025

Содержание

Дымит Сибирь	6
Оргия пятниц	7
Ты спишь	8
Зимний блюз	10
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Эрик Шеховцев Дымит Сибирь

...и всё же, пока дышим – живы.

Я не стар ещё, нет – но душа утомилась,

Как изношенный путь под осенним дождём.

Дымит Сибирь

В белой палате решетки на окнах,
Блеклые образы прожитых дней,
Кто-то у Бога просил чтобы сдохнуть,
Да только Он равнодушной людей.

Пишешь стихи на клочке из тетради,
Вспомнишь Сибирь, как тяжелый табак,
Как папиросы дымятся у лада,
И как базар провожал твой зигзаг.

Гнилью от окон тянет иконной,
Крест на стене – будто след от руки.
Свобода – слово, отлитое в стоне,
Которым кашляют здесь старики.

А за окном – беспросветная трещина,
Люди идут, растворяясь в метель.
Храм недостроен, но с виду – обещанный.
Значит, и ты тут как будто живой.

Только что мимо окна прошёл парень – молодой, куртка с иголки, руки в карманах,
а в голове, наверное, никакой войны. Ни с собой, ни с кем-то еще. Я подумал: завидую. Я бы
тоже так шёл – если бы знал, зачем.

Окно не закрывается. Спал в шапке, в носках и в пальто. Дышать тяжело.

Воду грел в кружке, глотнул – ожёгся, выругался. Потом посмеялся: до того ярко на фоне
серости ощутил свой обоженный язык, что стало аж хорошо от боли, живу еще значит, раз
чувствую. Или не так там было у какого-то философа?

Сосед по койке кашляет, как будто внутри у него завёлся трактор.

Я лежу, слушаю. Думаю: всё, что мы называем правдой – просто то, что не смогли оспорить.

Сосед этот, кстати, интересный мужик. Православный чеченец Булат. Сторчался еще в 90-е, с тех пор как-то дотянул до 20-х на героине и тюремных пайках. Говорит, убил кого-то за женщину. Как в последний раз откинулся с зоны, решил завязать и ушел в монастырь. Так и живет при храме, работает, помогает по хозяйству.

После ужина рассуждаем с Булатом о Достоевском и Толстом. Булат, оказывается, преподавал философию и литературу целый год для каких-то студентов на краю мира.

Интересный факт: у Булата рак легких, вроде излечимый, а еще он любит морских свинок. Вот такой человек.

Оргия пятниц

Оргия пятниц – всё как всегда:
офисные стада
блюют на асфальт,
орёт диджей о грядущем спасенье.
А за углом – бывшие с флагами,
дым и беда —
и каждый, понятно,
почти экстремист
в коротком мгновеньи прозренья.
Пропитые тела бредут сквозь хмарь —
город умоется только к июлю.
Кто-то орёт про любовь и Париж,
но в ответ лишь:
люблю, не целую».
И я бы сказал: *«живём»*,
да язык не поднимется.
Город наш – не детдом,
но, кажется,
всё же сиротствует.

Один пацан орал другому на остановке: *«Я ща сука порву тебя!»*. Глаза у него максимально тупые. Голова раскалывается, он еще хуже делает. Порвать бы **тебя**, сука, за такое.

Не люблю пятницы. Словно всё, что в человеке гнилое – выходит наружу с гудением, с паром, с криком. А в понедельник ходим, будто ничего не было. Мир – это похмелье после вчерашнего праздника.

Чтоб вы все, кто включает музыку на полную в доме... Чтоб вы ощутили тишину – не как покой, а как приговор.

Купил воду, хлеб, сигареты. Пальцы дрожат. В груди – как после драки.

Ты спишь

Ты спишь. А я сижу и не касаюсь —
ни кожи, ни ресниц, ни простыней.
В окне, как будто дым и Кемерово тает.
И я — не я. И ты — не ты. Не смей.

Не плачь во сне. Пусть стиснуто твое
немое горло — сдерживай тоску.
Я не возьму ни писем, ни браслетов,
ни фотографий — память не в вещах.

Но ты останешься — в снегу, в трамваях,
в табачном свете утренних вестей.
В глазах прохожих. В слове «всё, прощай».
В январской горечи пустых ролей

Я помню: дом, панель, девятый, вечер.
Твой голос. «Не молчи. Мы не враги».
Я не молчу — я просто всё запомнил,
чтоб ты жила внутри души моей.

Мысли не дают спать. Не потому что тревожно, просто мозг — как собака, которой не дали пройти по следу. Она уже и не рычит, и не лает, но всё ходит кругами, будто там что-то важное зарыто.

Иногда ловлю себя на фразах, которые хочу сказать человеку, которого давно нет рядом. Так и живём.

Все эти разговоры о любви, верности, смысле — утомили. Нет, я не разочарован, я просто не верю в громкие слова, они лезут туда, где надо молчать. Быть с кем-то — это не только про чувства, это ещё и про совпадение пауз. Если ты можешь молчать с человеком и не чувствовать неловкости — оставайся. Если он может уйти в себя и ты не обидишься — оставайся. Даже если вместе бывает скучно, но тепло и спокойно — оставайся. Это и есть близость. Всё остальное — вспышки. Вспышки хороши только в темноте. А в темноте — всё кажется большим, чем есть.

Я вспоминаю не по привычке и не по любви, а потому что некоторые люди — это как дверь без ручки: случайно открыл, зашёл, а выйти — уже нельзя.

Иногда вспоминаю, как она сидела, подворачивая ноги. Почему-то запомнилось именно это. Не голос, не запах. Будто боялась занять лишнее место в мире. Она говорила тогда: «Я тебя не люблю, но с тобой неплохо». Я ответил, что и сам себя не люблю, так что мы — квиты.

Всё было просто. Она рассказывала, что не умеет варить суп, я отвечал, что бутербродов будет достаточно. Иногда мне кажется, что она была последним человеком, с кем я говорил честно, не потому что была «та самая», а потому что мне тогда было наплевать, каким я выгляжу. Пожалуй, это единственное настоящее, что у меня было. Никаких обещаний, ни клятв, ни будущего. Просто комната, окно, ее ступни на батарее и чай, который мы забыли выпить.

Я не знаю, помнит ли она что-нибудь. И, если честно, мне всё равно. Память — вещь эгоистичная, она не для них, она — для нас. Для тех, кто остался наедине с пустыми вечерами и

пытается объяснить себе, зачем всё это было. Хотя, может, и не было ничего. Может, я просто додумал. Иногда мне кажется, что всё, что я действительно прожил, – длилось не больше двадцати минут. Остальное – дорога до. Или возвращение после. Вот и с ней так. Мы были вместе... сколько? Месяц? Полгода? А в голове – пара вечеров, мокрая куртка, запах старого дивана и фраза: «Ты, когда молчишь, кажешься лучше». Она умела так говорить, что вроде бы не обидно, но потом ходишь с этой фразой, как с занозой под ногтем. Время – странная штука. Когда молод – тянется. Когда ждёшь – стоит. Когда боишься – мчится. Сейчас оно просто... уходит. Никуда не спешит, не шумит, просто уходит.

Я уже не тоскую и не жду. Скорее, просто запоминаю, как устроено одиночество. Вот, например, она. Она не снится, она не пишет. Но иногда – я вспоминаю, как она держала ложку, и это, почему-то, кажется важным. Я стал спать в обнимку с подушкой. Не из-за нее – просто так легче лежать. Иногда просыпаюсь – и кажется, что кто-то рядом дышит. Но это просто сердце работает в ребрах, оно громче стало. Я не пишу ей, не ищу, не потому что гордый, а потому что она тоже не пишет. У нас всё было честно, без истерик, без драм. Просто разошлись, как с вокзала – на разные маршруты. Она на трамвай, я пешком. Я всегда больше любил ходить.

Если бы она вошла сейчас, не знаю, что сказал бы. Наверное: «Проходи. Чайник кипит». Мы бы снова молчали. Она бы рассказала, как не спит по ночам, я бы пожал плечами, а потом она бы ушла. И всё. И это было бы нормально. Мы всё равно не знали, как жить друг с другом, мы только умели быть рядом, а потом разучились. Время не лечит. Оно просто даёт другим ошибкам стать главными. Она была не «самая». И я был не «тот». Но в каком-то коротком промежутке между декабрём и февралем мы оба были живыми.

Зимний блюз

В том кафе всё играет блюз,
А в рюмочной ещё наливают.
В этот вечер обнимусь не с тобой,
Постоянно тебя вспоминая.

Не возьму я такси, не поеду домой,
Как бомжара, людей сшибая,
С душой нараспашку, бродить по Москве
Отправлюсь с кем-то, мечтая.

Забреду с ней в безлюдный парк,
Улыбаясь её намёкам.
И утону, как в болоте, в тоске
И привычных своих пороках.

А потом я очнусь на скамейке, замёрзший.
Пройду пару метров, споткнусь, упаду.
Подниматься не стану, тебя вспоминая,
Проснусь я весной.

Ушёл в ночь. Взял «талку», сигареты и, неожиданно, кефир. Думал – погуляю. На третьей лавке понял: я не иду. **Я разваливаюсь**. На куски. Кефир не помог.

Что ты себе доказываешь? Что ещё можешь быть живым? Ага. Ты – как радио с оторванной антенной: шипишь, но ничего не ловишь.

Позвонила бывшая. Сказала: *«Ты когда-нибудь вылезешь из этой ямы?»* Смешно. Я – яма.

Говоря откровенно, пьянство тоже труд и, кстати, очень непростой. Пить несколько дней подряд – уже непросто, а неделями вообще невыносимо. Не пить еще хуже. Получается замкнутый круг, в котором главное – уснуть и проснуться дома. По возможности, не забыть, где ты оставил тапки и не растерять последние остатки друзей.

На снегу – шаги. Но не мои.

Я как-то сидел у батареи и слушал, как течёт вода. Не капала – а текла. Сквозь трубы, сквозь стены, сквозь глухоту. Подумал: вот это и есть моя жизнь. Не боль, не страх. А постоянная течь. Без шума. Без повода. Без спроса. Раньше я думал, что всё ещё можно починить. Потом – что можно забыть. Сейчас думаю, что всё уже было, и я просто иду за своим эхом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.